

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ОТРИЦАНИЯ В ГРАММАТИКЕ КИТАЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ: ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Ань Лишэн

Старший преподаватель, ФГБОУ Тихоокеанский
государственный университет, (г. Хабаровск)
anlisheng@mail.ru

COMPARATIVE STUDY OF NEGATION EXPRESSION MEANS IN CHINESE AND RUSSIAN GRAMMAR: TYPOLOGICAL AND PRAGMATIC ASPECTS

An Lisheng

Summary: The article is devoted to a comparative analysis of the grammatical means of expressing negation in Chinese and Russian, which belong to different typological classes, namely the analytical and synthetic types, respectively. The relevance of the study is determined by the fact that comparison of negation mechanisms in typologically heterogeneous languages makes it possible to identify universal and language-specific parameters of the interaction between morphology, syntax, and pragmatics. The aim of the study is to identify and compare the grammatical means of expressing negation in Chinese and Russian, as well as to describe their pragmatic functions and culturally conditioned strategies of use. The empirical basis of the study consists of corpus data from the Lancaster Corpus of Mandarin Chinese and the Russian National Corpus, as well as teaching grammars, academic descriptions, and contemporary typological research. The methodological framework includes comparative and typological analysis, elements of pragmatic description, and corpus-based methods. The study examines the morphological, syntactic, and pragmatic characteristics of negative markers, the mechanisms of forming negative utterances, and the phenomena of double negation and negative concord. Particular attention is paid to the aspectual conditioning of the choice between the markers 不 and 没有 in Chinese, the features of negative concord in Russian, and the pragmatic strategies of negation mitigation in Chinese communicative culture. The findings show that typological differences between Chinese and Russian are manifested not only in grammatical structure but also in discursive and culturally pragmatic practices, which is important for the further development of the typology of negation and for methods of teaching Russian and Chinese as foreign languages.

Keywords: negation, typology, Chinese language, Russian language, negative markers, double negation, negative concord, aspectuality, pragmatics, comparative linguistics.

Аннотация: Данная статья посвящена сопоставительному анализу грамматических средств выражения отрицания в китайском и русском языках, относящихся к различным типологическим классам (аналитический и синтетический типы). Актуальность исследования обусловлена тем, что сравнение механизмов отрицания в типологически разнородных языках позволяет выявить универсальные и специфические параметры взаимодействия морфологии, синтаксиса и прагматики. Цель работы состоит в выявлении и сопоставлении грамматических средств выражения отрицания в китайском и русском языках, а также в описании их прагматических функций и культурно обусловленных стратегий использования. В статье рассматриваются морфологические, синтаксические и прагматические характеристики отрицательных маркеров, механизмы формирования отрицательных высказываний, феномен двойного отрицания и негативного конкорда. Особое внимание уделяется аспектуальной обусловленности выбора маркеров 不 и 没有 в китайском языке, особенностям негативного конкорда в русском языке и прагматическим стратегиям смягчения отрицания в китайской коммуникативной культуре. Полученные результаты показывают, что типологические различия между китайским и русским языками проявляются как в области грамматической структуры, так и в сфере дискурсивных и культурно прагматических практик, что важно для дальнейшей разработки типологии отрицания и методики преподавания русского и китайского языков как иностранных.

Ключевые слова: отрицание, типология, китайский язык, русский язык, отрицательные маркеры, двойное отрицание, негативный конкорд, аспектуальность, прагматика, сопоставительная лингвистика.

Введение

Отрицание конституирует одну из фундаментальных категорий человеческого мышления и естественного языка, находя универсальную фиксацию во всех известных языковых системах [1]. В своем классическом труде «A Natural History of Negation» Л.

Хорн постулирует необходимость трактовки отрицания не исключительно как логической операции инверсии истинностного значения, но в качестве сложного семантико-прагматического феномена, имплементированного на различных уровнях языковой структуры [1, с. 13]. Способность к отрицанию Л. Хорн связывает с базовыми свойствами человеческого мышления и общения,

поскольку она проявляется в умении отказывать, выражать несогласие, строить ложные высказывания, использовать иронию и различать истину от лжи [1, с. 1].

Сопоставительное исследование отрицания в китайском и русском языках представляет интерес по нескольким причинам: лингвистическим, типологическими и прагматическим. Китайский язык относится к аналитическим, изолирующим языкам и лишен морфологической флексии, тогда как русский представляет собой синтетический, флективный язык с развитой системой словоизменения. Сопоставление способов выражения отрицания в языках столь разного строя позволяет точнее увидеть общие когнитивные основы этой категории и ее типологически своеобразные проявления. Кроме того, заметная асимметрия обнаруживается во взаимодействии отрицания с грамматическими категориями глагола. В китайском языке негативные маркеры 不 (bù) и 没 (有) (méi(yǒu)) выполняют различающую аспектуальную функцию и прямо указывают на характер протекания действия во времени.

Напротив, в русской языковой системе темпорально-аспектуальные значения реализуются преимущественно посредством внутренних морфологических показателей самого предиката, а частица «не» не обладает самостоятельной временной семантикой.

В-третьих, высокая степень актуальности проблематики обусловлена необходимостью изучения прагматической проекции отрицания сквозь призму национально-культурной специфики дискурсивных практик. Функционирование негативных конструкций в китайской лингвокультуре неразрывно связано с реализацией стратегий вежливости и феноменом сохранения лица (面子 miànzi), что продуцирует существенные расхождения и зоны интерференции при их соотнесении с русскими коммуникативными паттернами негативации [6; 7].

Целью настоящего исследования является системное выявление и сопоставительный анализ грамматических средств экспликации отрицания в китайском и русском языках с последующей таксономизацией параметров их структурно-семантической корреляции и типологической дивергенции. Достижение поставленной цели предполагает решение следующего комплекса исследовательских задач:

1. инвентаризация репертуара негативных маркеров, определение их синтаксического дистрибута и сферы действия;
2. дифференциация расхождений на пропозиционном уровне (в рамках высказывания) и комплексный анализ прагматических функций негативации;

3. концептуализация типологических параметров микросистем отрицания в аспекте контрастивной лингвистики применительно к рассматриваемым языковым системам.

Наше исследование сосредоточено на системе грамматических структур, выражающих отрицание в китайском и русском языках. Анализу подвергаются морфосинтаксические и прагматико-дискурсивные свойства операторов отрицания, механизмы построения негативных высказываний на когнитивном и вербальном уровнях.

Эмпирический материал получен путем направленной выборки из корпусных массивов с лексикографической разметкой: Lancaster Corpus of Mandarin Chinese и Национальный корпус русского языка. Корпусные данные сопоставлены со сведениями нормативных описательных грамматик, результаты верифицированы с опорой на современные фундаментальные исследования [9, 10, 11].

Лингвистическая типология традиционно трактует отрицание как бинарную оппозицию утверждению, для выражения которой языки используют специализированные формальные средства – негативные маркеры. В универсально-типологических работах, включая классификацию Дж. Гринберга, отрицание квалифицируется как базовая языковая универсалия: оно фиксируется во всех известных языках мира. Семантико-прагматическая теория разграничивает два типа отрицания. Первый тип – истинностно-функциональный – меняет истинностное значение пропозиции. Второй тип – метаязыковой – направлен на корректировку пресуппозиций или переосмысление отдельных компонентов высказывания, при этом пропозициональное содержание остается нетронутым [1, с. 362]. Такое различие особенно важно для описания отрицательных конструкций в языках с разной грамматической организацией. Метаязыковое отрицание, в частности, реализуется в конструкциях с коррелятивным противопоставлением, ср.: Я не люблю — я обожаю. Для них характерны синтаксический параллелизм и выраженная контрастивная интонация [1, с. 374].

Основные уровни выражения отрицания

В рамках структурно-грамматического подхода обычно выделяют несколько основных типов отрицания.

- Предикатная (вербальная) негативация: сфера действия отрицательного оператора распространяется на предикативный центр высказывания (рус. *Он не читает*; кит. 他不看书 tā bù kàn shū).
- Парциальная (адъективная/номинативная) негативация: отрицание охватывает отдельный конституент предложения, при этом пропозиция в целом сохраняет утвердительный статус (рус. *Не он читал*; кит. 不是他看书 bù shì tā kàn shū).

- Модальная негативация: отрицание затрагивает эпистемическую или деонтическую модальность ситуации (рус. *Он не может читать*; кит. *他不能看书 tā bù néng kàn shū*).
- Эксплетивная (плейонастическая) негативация: избыточная реализация отрицательного маркера, не изменяющая истинностного значения высказывания и связанная с идиосинкратическими особенностями устойчивых дискурсивных формул [1, с. 184].

Типологическая спецификация механизмов выражения отрицания Типологическое расслоение языков на аналитические и синтетические типы детерминирует асимметрию стратегий кодирования негативности. В синтетических языках, представителем которых выступает русский, функционирование отрицательных операторов нередко сопряжено с комплексными морфологическими модификациями (включая согласование генитива прямого объекта, а также использование специальных финитных форм глагола).

Напротив, в аналитических языках, к которым относится китайский, механизм негативации реализуется преимущественно на уровне линейно-синтаксической конфигурации через препозитивные адвербиальные частицы, оставляющие морфологическую структуру вершинного глагола неизменной [2, с. 420]. Как отмечают Ч. Ли и С. Томпсон, агглютинативный характер китайской словоформы и отсутствие флективного словоизменения возводят позиционную дистрибуцию негативного маркера и его взаимодействие с аспектуальными операторами в ранг доминантных факторов интерпретации темпорально-модального контура высказывания [2, с. 414].

Эмпирическую базу составили данные *Lancaster Corpus of Mandarin Chinese* (LCMC) и *Национального корпуса русского языка* (НКРЯ), из которых методом сплошной выборки извлечено 1500 контекстов с отрицательными маркерами в каждом языке. Критерии отбора: наличие эксплицитного отрицательного маркера, репрезентация различных типов отрицания (предикатное, частичное, модальное, эксплетивное), жанровая сбалансированность. Параметрический подход лег в основу типологического сопоставления, которое охватывает морфологический, синтаксический и прагматический уровни анализа. Работа с корпусными данными проходила поэтапно: автоматический отбор материала сменялся ручной проверкой, за которой следовала контекстуальная интерпретация. Благодаря этому риск ошибочной классификации спорных случаев удалось существенно снизить.

Категория отрицания описана в научной литературе достаточно подробно, однако по ряду вопросов исследователи так и не пришли к согласию. В китайистике особую дискуссию вызывает статус маркера 不. Т. Эрнст трактует 不 как адвербиальный оператор, который под-

чиняется общим синтаксическим ограничениям на препозитивное наречие [5, с. 685], тогда как Дж.-в. Линь придерживается иной точки зрения: для него 不 представляет собой проективный элемент, напрямую связанный с аспектуальной проекцией глагольной группы и, в противовес 没(有), не допускающий элизии в координированных структурах [6, с. 445]. Выбор между этими позициями определяет характер типологического описания китайского отрицания. Если принять первую точку зрения, отрицание предстает преимущественно линейно-синтаксическим явлением; вторая же указывает на систему с иерархическими ограничениями, которые сближают китайский с языками более выраженного морфологического типа.

Столь же дискуссионной остается применимость концепции метаязыкового отрицания Л. Хорна к китайскому материалу. И. Чжан демонстрирует, что конструкции с 不是 (bú shì) способны опровергать пресуппозиции, то есть выполнять функцию, характерную для метаязыкового отрицания [8, с. 140]. Р. Сяо и Т. Макэнери, впрочем, указывают на ограничения такой трактовки: английское метаязыковое отрицание обычно маркируется просодически и синтаксически более автономно, тогда как в китайском оно нередко сливается с истинностно-функциональным отрицанием [7, с. 305]. Это ставит под вопрос универсальность хорновской дихотомии. Подходы к негативному конкорду по-прежнему различаются. Западная типологическая традиция, восходящая к работам Л. Хорна, трактует его как морфосинтаксическое явление: несколько отрицательных элементов в пределах одной клаузы выражают единственное семантическое отрицание. Русская грамматическая традиция склонна описывать то же явление иначе – как стилистическое или эмфатическое усиление, причем синтаксический статус конструкции остается размытым [12, с. 615; 13, с. 183]. Расхождение выходит за рамки терминологии и приобретает типологическое значение, поскольку от избранной интерпретации зависит, какое место отводится русскому языку в кросслингвистических описаниях отрицания. В этих описаниях негативный конкорд выступает полноценным параметром варьирования, а не факультативной стилистической особенностью [14, с. 125]. Таким образом, обращение к этим спорным вопросам позволяет не только точнее выстроить понятийный аппарат исследования, но и избежать механического переноса западных типологических моделей на материал русского и китайского языков.

Средства выражения отрицания в русском языке

В современном русском языке отрицание выражается целой системой средств, где главное место занимает частица не. Она очень гибкая: может присоединяться к разным частям высказывания и тем самым менять смысловой акцент. Например, отрицание может относиться к

сказуемому: *Он не читает книгу*; к подлежащему: *Не он читает книгу*; к прямому дополнению: *Он читает не книгу*; а также использоваться в конструкциях с противопоставлением: *Он не читает, а пишет*.

Негативация в русском языке выражается не только частицей **не**, но и целым рядом других средств: дистрибутивной частицей **ни** (ни капли не пропало; ни ума, ни доброты), неопределенными местоимениями и наречиями с префиксом **ни-** (ничто, никогда, ниоткуда), экзистенциальными предикативными формами с префиксом **не-** (некого, нечего), специализированными предикатами отсутствия (нет, нельзя, невозможно), а также словообразовательными элементами со значением отрицания или отмены состояния (например, бездарный, безрадостный; разлепить, оторвать). Кроме того, отрицание может быть скрыто в семантике глаголов отказа или лишения, таких как отказать, воздержаться, лишить.

Типологически важной особенностью русской грамматики является негативный конкорд (negative concord / double negation as intensification). В его рамках несколько отрицательных компонентов в пределах одной простой клаузы, как в примере *Я никогда ничего никому не говорил*, не нейтрализуют друг друга по законам логической алгебры, а, напротив, складываются в единое усиленное отрицание, охватывающее временные, объектные и актантные параметры.

С точки зрения взаимодействия с видо-временной системой русское отрицание обладает значительной морфологической автономностью: частица *не* присоединяется к финитным формам глагола совершенного и несовершенного вида во всех временных планах без систематического изменения собственной семантики. При этом частица **ни** обычно рассматривается как элемент отрицательной полярности (Negative Polarity Item, NPI), то есть как единица, которая может употребляться только в определенных синтаксических условиях [15, с. 5].

Средства выражения отрицания в китайском языке

В китайском языке отрицание тесно связано с видом и временной характеристикой предиката. Основными средствами здесь выступают **不** (bù) и **没有** (méi(yǒu)), и у каждого из них свой круг значений и контекстов. Частица **不** чаще всего используется для выражения волеитивного и привычного отрицания: она может обозначать нереализованное намерение (*我不去 wǒ bù qù* — «Я не пойду»), регулярное предпочтение или состояние (*他不喜欢咖啡 tā bù xǐhuan kāfēi* — «Он не любит кофе»), статический признак (*这不重要 zhè bù zhòngyào* — «Это не важно») и проспективную временную перспективу (*明天我不来 míngtiān wǒ bù lái* — «Завтра я не приду»). Иными словами, **不** обычно охватывает незавершенные ситуа-

ции и общие, вневременные утверждения [2, с. 418].

Маркер **没有** связан прежде всего с отрицанием завершенных значений. Его используют, когда нужно сказать об отсутствии завершенного действия (*他没看书 tā méi kàn shū* — «Он не читал [книгу]»), о несуществовании объекта (*没有钱 méi yǒu qián* — «Нет денег») или об отсутствии изменения состояния (*他没有病 tā méi yǒu bìng* — «Он не заболел»). В терминах теории речевых актов **没有** указывает на то, что событие не подтверждено в актуальном плане реальности [6, с. 432].

Наряду с этими основными средствами в китайском языке есть и более периферийные формы отрицания. Запретительный императив **别** (bié – 别走开 bié zǒu kāi – «Не уходи!»), архаично-книжное **无** (wú – например, 无声 wúshēng – «беззвучный») и экзистенциальные конструкции с **没有**, выражающие полное отсутствие, принадлежат к этой группе [4, с. 512]. Типологическая специфика китайского языка обнаруживается в способе задания области действия отрицания: позиция маркера непосредственно перед отрицаемым элементом определяет семантический фокус высказывания. В предложении *他不看完这本书 tā bù kàn wán zhè běn shū* отрицание охватывает фазовый результат, то есть завершение чтения, тогда как конструкция *他没看这本书 tā méi kàn zhè běn shū* отвергает само событие в качестве свершившегося факта. Русский язык решает подобные задачи иначе: дифференциация смыслов нередко определяется просодией, логическим ударением и коммуникативным членением на тему и рему, что порождает потенциальную семантическую двусмысленность. Фраза «Он не читал всю книгу» иллюстрирует эту особенность, поскольку допускает две взаимоисключающие трактовки: человек либо вовсе не приступал к чтению, либо прочитал лишь фрагмент.

Типологические различия двойного отрицания и их коммуникативные эффекты

Китайский язык, как и русский, допускает употребление нескольких отрицательных элементов в пределах одного придаточного предложения, однако их функция и смысл в этих языках различаются. В русском языке действует **негативный конкорд**: несколько отрицательных элементов вместе усиливают одно общее отрицание. В китайском языке, напротив, повторное отрицание чаще не усиливает, а, наоборот, снимает отрицательный смысл и может передавать утверждение, смягчение высказывания или риторическое выделение.

Типологические исследования фиксируют шесть основных моделей сочетания отрицательных маркеров в современном китайском языке: **不+不**, **不+没有**, **没有+不**, **没有+不是**, **不是+不**, **不是+没有**. Прагматический диапазон этих моделей простирается от деинтенсифика-

ции категоричности высказывания до выражения необходимости и контрастного выделения смысла. Конструкция 不是不知道 (bú shì bù zhīdào, буквально «не то, чтобы он не знал») служит инструментом коррекции пресуппозиций и уточнения понимания ситуации собеседником, тогда как модель 不能不 (bù néng bù) передает субъективно или объективно обусловленную необходимость действия – например, 我们不能不学习中文 (Wǒmen bùnéng bù xuéxí zhōngwén) означает «Мы не можем не учить китайский» [16, с. 7].

Типологическое различие здесь принципиально: китайские конструкции с несколькими отрицаниями нередко порождают утвердительный смысл, русское же двойное отрицание воспринимается как усиленное отрицание.

Системное различие подтверждается на материале кванторных конструкций. Когда сопоставляются предложения вроде «Никто не сказал», обнаруживается специфика когнитивной репрезентации пропозиции: для китайского языкового сознания, как показали Гао Юэ и Н.В. Николаева, эквивалентный смысл выражается конструкцией 谁都没有说 («Каждый/все не сказали»), где универсальный квантор соединяется с предикативным отрицанием, однако эффект многократного отрицания при этом не возникает [17, с. 139]. Китайская грамматика вследствие этого исключает модель негативного конкорда. Для русского языка такая модель выступает структурообразующей, поскольку местоименные и адвербиальные элементы распределяются в ней комплементарно между утвердительным и отрицательным контекстами.

Типологическая дистанцированность верифицируется данными широкомасштабных кросс-лингвистических исследований. В работе Чо Гёнсук, посвященной сопоставлению механизмов негативации в шести языках (английский, французский, русский, корейский, японский, китайский), продемонстрировано, что русский и китайский языки относятся к различным таксономическим группам по способам выражения кванторного и адвербиального отрицания. Русская система характеризуется наличием специализированного инвентаря средств в указанных сферах, в то время как китайская парадигма не располагает релевантным корпусом специализированных формальных показателей [18, с. 15].

Прагматика отрицания и стратегии общения

Прагматическая реализация отрицания в китайском и русском языках во многом зависит от ситуации общения, но работает в них по-разному. В китайском языке снятие неоднозначности отрицательных конструкций во многом опирается на просодию: важную роль играют длительность звучания, паузы и интонация высказывания [7, с. 308]. В русском языке, напротив, основная

нагрузка чаще ложится на сами языковые средства: частицы не, ни, кванторные местоимения и другие морфосинтаксические маркеры делают смысл более явным и уменьшают роль интонации.

Своеобразие китайской коммуникации связано с ориентацией на социальную гармонию (hexie) и сохранение «лица» собеседника (面子 miànzi). Поэтому отказ или несогласие там часто выражаются косвенно, с помощью более мягких формулировок. Конструкции, снижающие категоричность высказывания, часто заменяют прямое отрицание в китайском языке. Среди них выделяются выражения с метаязыковым оператором 不是 (bú shì – «не то, чтобы...»), в том числе 不是不行 (bú shì bù xíng, буквально «не то чтобы нельзя»), градуальные смягчающие средства 有点困难 (yǒudiǎn kùnnan, «несколько затруднительно»), тактика отложенного ответа 再说吧 (zàishuō ba, «обсудим это позднее») [7, с. 140]. Препозитивный маркер 不是 выполняет двойную функцию: он выделяет нужный смысл и одновременно корректирует предпосылки адресата, что соответствует стремлению избежать прямой конфронтации и сохранить «лицо» собеседника [7, с. 10].

Русская коммуникативная традиция относится к прямому несогласию или отрицанию значительно спокойнее, считая их вполне допустимыми элементами речевого взаимодействия. Способы смягчить отказ существуют и здесь: модальные выражения неуверенности («Возможно, но...»), ограничительные частицы («Не совсем так»), формулы неопределенного согласия («Посмотрим»). Однако избегать прямого отрицания русскоязычному говорящему совершенно необязательно. Для русской лингвокультуры в целом важен баланс между кооперативными принципами Г. Грайса и стратегиями вежливости: нередко на первый план выходит точность и ясность сообщения, а не намеренное размытие смысла ради сохранения межличностной мягкости.

Практическое значение этих наблюдений тоже очевидно. В типологии они помогают точнее описывать различия между языками в том, как выражается отрицание, включая аспектуальную обусловленность выбора маркеров в китайском языке и негативный конкорд в русском. Для преподавания особенно важно различать китайскую модель логического снятия двойного отрицания (不是不知道 → «все знают») и русскую модель негативного конкорда (никто ничего не сказал → усиленное отрицание). Русскоязычным изучающим китайский язык полезно и простое правило выбора между 不 и 没有: незавершенное или общее действие обычно выражается через 不, а завершенное действие или отсутствие чего-то — через 没有. В переводе важно учитывать и культурно-прагматические различия: китайские смягчающие конструкции, такие как 有点困难, не стоит переводить буквально, потому что в русском языке отказ

обычно смягчается иначе. Наконец, для корпусной лингвистики такие результаты могут стать основой для автоматического распознавания разных типов отрицания.

Заключение

Сопоставительный анализ показывает, что отрицание в китайском и русском языках различается не только по форме, но и по своему типологическому устройству. Это обусловлено различием грамматического строя двух языков. В русском языке отрицание выражается совокупностью средств: частицами не и ни, приставками, а также конструкциями со значением отсутствия. В китайском языке основную роль выполняют препозитивные маркеры 不 [bù] и 没(有) [méi(yǒu)], которые не изменяют морфологическую форму глагола, а маркируют отрицание на уровне синтаксической организации высказывания. Наиболее отчетливо это различие проявляется в соотношении отрицания с аспектуально-темпоральными характеристиками предиката: 不 обычно используется для выражения воли-тивного или хабитуального отрицания незавершенных ситуаций, тогда как 没(有) специализирован на отрицании завершенных действий; в русском же языке отрицание не находится в столь жесткой зависимости от морфологической формы глагола. Двойное отрицание в русском и китайском языках функционирует принципиально по-разному. Русский язык использует негативный конкорд: несколько отрицательных элементов в одном высказывании складываются в единое отрицательное значение, а не взаимно уничтожаются. Китайский язык часто следует иной логике, при которой два отрицания снимают друг друга. Конструкции вроде 不是不知道 («Не то, чтобы он не знал») или 不能不 («нельзя не») служат для смягчения высказывания, выраже-

ния необходимости либо утверждения через двойную отрицательную форму.

Прагматика отрицания теснейшим образом связана с культурными особенностями коммуникации. Китайская речевая практика выстраивает отрицательные конструкции вокруг стратегий вежливости и концепции сохранения «лица» (面子 miànzi), что объясняет распространенность косвенных, смягченных способов выразить отказ или несогласие: говорящий избегает прямолинейных формулировок, способных поставить собеседника в неловкое положение. Русская коммуникативная норма, напротив, допускает прямое выражение несогласия без особых оговорок, поскольку ценность точности и определенности высказывания зачастую перевешивает соображения этикетной мягкости.

Сопоставительный анализ обнаруживает за внешними различиями общие когнитивные основания категории отрицания: оба языка оперируют сходными мыслительными операциями отвержения, исключения, противопоставления. Языковая реализация этих операций, однако, зависит от типологического строя и культурной традиции конкретного языка. Русское отрицание в значительной мере опирается на сегментные средства (частицы, приставки, отрицательные местоимения) и развитую систему кванторных элементов, что придает его выражению более эксплицитный характер.

В китайском языке, напротив, важную роль в интерпретации отрицательных конструкций нередко играет интонация. Таким образом, отрицание следует рассматривать как семантико-прагматическую категорию, универсальные основания которой получают различное языковое оформление в зависимости от строя и коммуникативных норм языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хорн Л.Р. Естественная история отрицания. Чикаго: University of Chicago Press, 1989. (англ.)
2. Ли Ч.Н., Томпсон С.А. Мандаринский китайский язык: функциональная справочная грамматика. Беркли: University of California Press, 1981. (англ.)
3. Волков К.В. Типология В.М. Солнцева и синтаксическая асимметрия китайского и русского языков в аспекте перевода // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 4. С. 92–102. (рус.)
4. Чао Юаньжэнь. Грамматика разговорного китайского языка. Беркли: University of California Press, 1968. (англ.)
5. Эрнст Т. Отрицание в мандаринском китайском языке // Natural Language and Linguistic Theory. 1995. Т. 13. С. 665–707. (англ.)
6. Линь Цзяван. Аспектуальный выбор и отрицание в мандаринском китайском языке // Linguistics. 2003. Т. 41, № 3. С. 425–459. (англ.)
7. Сяо Р., Макэрни Т. Отрицание в китайском языке: корпусное исследование // Journal of Chinese Linguistics. 2008. Т. 36, № 2. С. 274–320. (англ.)
8. Чжан Я. Bushi как оценочное отрицание в мандаринском китайском языке // Buckeye East Asian Linguistics. 2023. Т. 7. С. 132–143. (англ.)
9. Бэсьен Х., Дэвидсон Д., Бэйтс Д. Моделирование со смешанными эффектами с перекрёстными случайными эффектами для испытуемых и элементов // Journal of Memory and Language. 2008. Т. 59. С. 390–412. (англ.)
10. Люй Шусян. Восемьсот слов современного китайского языка. Пекин: 商务印书馆, 1982. (кит.)
11. Ши Ювэй. Симметрия и асимметрия утверждения и отрицания. Пекин: 北京语言文化大学出版社, 2001. (кит.)
12. Виноградов В.В. Русский язык: грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1947. (рус.)
13. Русская грамматика / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. Т. 2. (рус.)
14. Мьестамо М. Стандартное отрицание: отрицание повествовательных вербальных главных предложений в типологической перспективе. Берлин; Нью-

- Йорк: Mouton de Gruyter, 2005. (англ.)
15. Тискин Д. Ни: негативный конкорд в русском языке // Acta Linguistica Petropolitana. 2017. Т. 13, № 3. С. 1–17. (англ.)
 16. Чжон Ынджон. Структурные модели и прагматические эффекты двойного отрицания в современном китайском языке // Китаеведение. 2021. № 88. С. 1–22. (кор.)
 17. Гао Юэ, Николаева Н.В. «Двойное отрицание» в русском языке: лингводидактический и лингвокультурологический аспекты // Наука и школа. 2020. № 2. С. 137–142. (рус.)
 18. Чо Ёнсук. Типологическое сравнение отрицания в шести языках: английском, французском, русском, корейском, японском и китайском // Исследования языка. 2005. Т. 21, № 1. С. 1–26. (кор.)

© Ань Лишэн (anlisheng@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»